

ВИТАЛИЙ ПАЖИТНОВ

СВЕТ И ТЕНЬ, ТЕНЬ И СВЕТ

...НЕМНОГО СУЕТЫ В ПРОХЛАДЕ
БЫТИЯ...

Виталий Пажитнов

Свет и тень

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11961720

ISBN 9785447419813

Аннотация

Представляю последнюю редакцию одной из моих первых вещей в крупной прозе. Немного фантазии, немного фантастики, немного сюжета... С пожеланием приятного прочтения, автор.

Содержание

1	5
2	10
3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Свет и тень

Виталий Пажитнов

© Виталий Пажитнов, 2023

ISBN 978-5-4474-1981-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Желто-синеватая полоска быстро и бесшумно, мягко и плавно проходящего поезда пересекала небольшую возвышенность, внизу которой простиралась широкая долина, уходящая в даль до линии горизонта и только впереди, в нескольких километрах переходящая в сосновую и лиственную поросль, ровным пологом простиравшуюся на несколько десятков километров, вплоть до следующего небольшого поселения, вдоль которого будет проходить дальше этот желтовато-синий состав, блестящий сейчас окнами и желтовато-золотистым отливом вагонов под яркими лучами заходящего солнца. Миновав шоссе, перекрещивавшуюся с железной дорогой, предупрежденную предупредительным шлагбаумом, около которого одиноко поблескивал на солнце поздний рейсовый автобус, и через пару километров переехав быстрый речной поток, за которым уже виднелось в небольшом отдалении начало лесной полосы поезда, так и оставшийся на возвышенной насыпи покинул долину, и его колёса уже потихоньку постукивали над большими сосновыми и ореховыми порослями, тянувшимися снизу от него как слева, так и справа.

В вечернем коридоре народу было не очень много, только у приоткрытого окна тамбура выкуривал вечернюю сигарету, задумчиво наблюдая заходящее солнце весьма солидный азиатского склада сосед из крайнего купе, в котором

его ждали жена и двое детей, и ещё посередине коридора, усевшись на откидной стул перед таким-же откидным столиком довольно молодой человек в спортивном костюме слушал музыку из небольшого приёмника и задумчиво и грустно смотрел в окно. Перед ним стоял стакан с чаем, который проводник начнёт разносить по вагону минут через тридцать, и которого дожидались два наших путешественника, занимавшие вдвоём целое купе. Лишние спутники были им не нужны, и они заранее оплатили два оставшихся места, чтобы в пути их никто не тревожил.

Старший из них, коренастый, очень крепкого сложения крепыш лет сорока пяти – сорока восьми, довольно среднего роста, примерно метр семьдесят восемь-метр восемьдесят, одетый в дорогой твидовый костюм положил вагонную подушку в изголовье, и облокотившись на неё медленно и задумчиво перелистывал только что вышедший сборник поэзии серебряного века, в котором была представлена хорошая подборка Мандельштама, Блока и Бальмонта. Рядом, на столе, недалеко от его локтя также покоились два свежих издания Германа Гессе и две ранние книги Набокова.

Напротив него сидел довольно высокого роста мужчина лет на семь моложе профессора, одетый в такой-же твидовый костюм, но гораздо более уличного и прогулочного фасона, и над его остро отточенным носом свисала часть благородной ухоженной шевелюры, которая так-же как и взгляд несколько близоруких глаз сейчас нависала над тол-

стым глянцевым историческим журналом. Ещё несколько таких-же и подобных небольшой рассеянной стопкой лежали рядом на вагонном столике. И кстати, мы можем заметить то, что всей своей немного костлявой худобой и рассеянностью он чем-то напоминал преподавателя кафедры одного из университетов. (И тут-же, отдав дань справедливости воздать должное, и отметить, что около одиннадцати лет он был деканом кафедры одного из столичных университетов, специализируясь по области Романских, и нескольких соседних языков латинской группы.)

Итак, два соседа, весьма удобно устроившихся у окна купе со своим дорожным чтением практически не обменялись за эти полчаса ни одной фразой. Но вот профессор перестал что-то тихо насвистывать на мотив давно забытой, и теперь почти никем не вспоминаемой джазовой мелодии, оторвал взгляд от несколько раз перечитанного стихотворения Мандельштама и аккуратно положив сборник рядом с книгами Гессе и Набокова вопросительно взглянул на дверь. И действительно, где-то минуты через полторы к ним вежливо постучали, и услышав утвердительное «да, да» дверь растворилась, и проводник осторожно внёс в купе поднос со стаканами чая и пакетом дорожного мармелада. Зайдя и расставив всё это на столике он пожелал спутникам спокойной ночи и вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

Профессор, встряхнув головой и немного зевнув сказал соседу, тоже сложившему журналы и уже рассеянно зевая

старавшемуся усесться поудобней, что чай в этой поездке вполне сносный, и отпив два глотка прибавил: – Голштейн, всё это просто прекрасно, и наша поездка, и это возвращение, но завтра вечером мы будем уже на месте, и смотри, как бы мне не пришлось тебя будить перед открытием дверей. А то, ты ведь очень любишь в этой поездке немного поспать где-нибудь днём или ближе к вечеру. Не вспомнить даже, когда к тебе успела приестся эта привычка, но очень прошу, давай обойдёмся без неожиданностей.

– О, Лев Исаевич, что вы говорите! Это у меня бывает примерно раз в два года, примерно около двух недель в это время, но я вполне могу обойтись и без этого, и завтра и глаз не сомкну. Кстати, этот период подкрепляющей спячки пройдёт у меня раньше, чем через неделю, а следующий подобный может случиться только через года два – два с половиной. Но завтра я и глаз не сомкну, да и оставшуюся неделю смогу воздержаться от этого, это проще простого.

– Э, друг мой любезный, это очень мило, и тут я ловлю тебя на слове, так как в ближайшее время ты мне будешь очень полезен, но вот только не в спящем виде. Ведь, если ты не забыл, у нас планировалось и всё ближайшее по приезду время, и более позднее, то, что ближе к осени. И на всё это время у нас имеются обговорённые решения. – И Курштрейн, договорив эту тираду с небольшой улыбкой посмотрел на своего собеседника. Он тоже улыбнулся, и не смог не сыронизировать в тоне своего старшего напарника: – Ну,

конечно-же, и про всё это мы ещё поговорим, а пока... А пока давай лучше закончим с нашим «Херши», он и довольно прохладный, и...

– Да, и кстати, и расчёт этого «и», Голштейн, будь так добр, посмотри, у тебя в сумке лежит наш термос, и если не трудно, дотянись до него, и...

– И налить вам вечернюю чашку?

– Да, я хочу сегодня ещё немного почитать, и кое о чём подумать.

И Профессор, слегка мотнув головой отодвинул от края стола журналы и чайные принадлежности, и поставил туда совершенно неизвестно откуда взявшуюся маленькую кофейную чашку из китайского фарфора, а давно уже привыкший к фокусам своего коллеги Голштейн открыл большой термос и налил в неё кофе.

Поезд почти подходил к вокзалу, и в коридоре около тамбура уже выстроилась обычная пёстрая очередь с сумками, детьми и чемоданами. Проводник в другом конце коридора о чём-то оживлённо беседовал со своим коллегой из соседнего вагона, а профессор со спутником допивали последние остатки кофе из упомянутого дорожного термоса. Когда Голштейн поставил кофейную чашку на стол, профессор взглянул на него, и слегка зевнув сказал: – Ну что-же, минут через семь мы будем уже на месте. Этот кофе был последним?

– Да, совершенно, и термос уже пустой.

– Ну, что-же, раз пустой, тогда... – И Профессор ещё раз зевнул, протянул левую руку, и накрыв ладонью две маленькие кофейные чашки подержал её так секунд пятнадцать, а когда поднял руку, то на чистом столе уже не было ни этих чашек, ни нескольких маленьких пятен расплёснутого кофе, ни двух маленьких позолоченных ложек, лежавших с краю, но тоже как-то случайно оказавшихся прикрытыми рукавом его пиджака.

– Ну что-же, мы почти прибыли, и минуты через три все начнут выходить на перрон, а минут через пять-семь вагон будет уже пустой. Так что мы сможем спокойно перекурить на перроне.

– Совершенно согласен, после долгой дороги это нам со-

всем не помешает.

Через десять минут, выйдя из вагона на пустой перрон Профессор с небольшим дипломатом и Куратор со спортивной сумкой немного посмотрели на вокзальные огни и небольшой проход на площадь, и вытащив сигареты закурили. Так несколько минут они простояли, глядя на выход с вокзала, и только старший негромким полусёпотом два раза повторил про себя несколько строчек из любившегося ему в дороге стихотворения Бальмонта.

В столицу они приехали, но до дома им всё-таки придётся добираться в другой конец города. И докурив они постояли минут пять на перроне, а потом прошли по проходу на площадь. Перейдя к Ленинградскому вокзалу они быстро вышли на нужный перрон, и сев в один из последних вагонов отходящей электрички через полчаса комфортно, и почти без пассажиров доехали до своей станции. Выйдя на вечернюю платформу, где уже всюю горели фонари наши друзья спустились вниз и остановились на небольшой площади. Посмотрев на часы Голштейн взглянул на автобусное расписание, и неутешительно сказал что ближайший рейсовый автобус в их сторону только через сорок минут. Но профессор улыбнулся, и даже не взглянув на своего коллегу ожидающе посмотрел куда-то в даль. И верно, где-то минуты через три из-за поворота появилась блестящая иномарка, и повернувшись к своему спутнику кивнул на это авто, и с небольшой улыбкой спросил:

– А против такого средства передвижения ты ничего не имеешь против?

Голштейн пожав плечами ответил, что «ни чуть», и когда подъехавшая к ним машина сбавила скорость и остановилась, а в открывшуюся дверь улыбающийся водитель спросил: – «В какую вам сторону?» И выслушав адрес кивнул, задняя дверца приоткрылась, наши путники поблагодарив уселись и машина поехала по шоссе к девятиэтажному зданию Голштейна и стоящему рядом с ним трёхэтажному особняку Профессора. Их уединённые жилища стояли в небольшой застройке посередине большого лесопарка, примерно в получасе езды от станции.

Подъехав к небольшой площадке перед их домами шофёр остановился, и с улыбкой спросил: – Вам ведь сюда, всё верно? – Да, спасибо, конечно, – ответил несколько смущённый Голштейн, и выйдя и расплатившись они остановились. Голштейн задумчиво разминая сигарету пару минут смотрел вслед отъезжающей машине, а когда обернулся к своему спутнику, то увидел уже удалявшегося профессора. Он вздохнул, глядя на его неспешную вечернюю фигуру, но тут он остановился и слегка подмигнув коллеге сказал: – Ну всё, с возвращением, поднимайся к себе, отсыпайся, а завтра ближе к вечеру я тебе позвоню.

– Ну ладно, спокойной ночи – ответил ему также слегка улыбнувшись Куратор, закурил, немного поживаясь от вечернего сквозняка закинул поудобнее дорожную сум-

ку, и неспешным шагом пошёл к своему подъезду. И в наступившей тишине было очень хорошо слышно стрекотание кузнечиков, а если бы кто-нибудь издали посмотрел на эту высокую и чуть сутуловатую фигуру, то наверняка смог бы с неожиданным удивлением заметить, как от неё отсвечивает и мерцает в темноте несколько фиолетовым отсветом какой-то большой и загадочный силуэт – ореол, мягко покачивавшийся в такт его шагам.

Лёгкий утренний свет уже часа три проглядывал в большую комнату через тонкие занавески, и как обычно около десяти часов приостановился рядом с большой хрустальной пепельницей и небольшими старинными часами с боем, стоявшими посередине стола. И только стрелка подползла к десятичасовой отметке, как безмятежный сон Куратора был внезапно прерван стуком открывшегося окна, которое он оставил приоткрытым, и где-то полчаса смотрел на мелкий вечерний дождь, и думал о чём-то загадочном, уходящем куда-то в далёкие годы, а какими-то своими лучами и отблесками даже и в далёкие столетия. Так он стоял, размышляя о некоторых встречах и находках, случившихся у них в поездке, которые, собственно как будто бы ничего нового и не напомнили... – Да, вроде почти ничего, – с небольшим вздохом заметил он, глядя на мелкую пелену дождя и допивая вечернюю чашку чая, – Да, вроде почти ничего, хотя... Хотя... Хотя, – ещё раз как-то грустно подумал Бывший Верховный Хранитель, и прикрыл окно, но не задёрнул защёлку, так что в комнате хорошо был слышен убаюкивающий стук капель, и немного устало пошёл к кровати.

Он проснулся, посмотрел на открывшееся окно, потом на часы, поднялся, выпил чашку холодного чая и спокойно решив, что можно поспать ещё часа полтора перевернулся

на другой бок, и накрывшись одеялом также быстро заснул.

Где-то в половине двенадцатого он проснулся, недовольно помотал головой, и сонно посмотрел на звонящий телефон. Просыпаясь, и соображая, что телефон звонит уже давно снял трубку, и сразу-же услышал усмехающийся голос Профессора: – Ну что, с добрым утром? Проснулся? А то я тебе уже второй раз названиваю, добро же ты отсыпаться. Ну ладно, давай, просыпайся, и где-нибудь минут через пятьдесят заходи, нам будет о чём побеседовать. Договорились?

– Хорошо, договорились, скоро буду.

Повесив трубку Куратор пошёл в ванну споласкиваться и просыпаться, потом зашёл на кухню и минут двадцать провёл за лёгким завтраком. Затем зайдя в комнату он достал свою походную сумку, открыл её, и посмотрев содержимое аккуратно вытащил и поставил на стол небольшой продолговатый футляр, украшенный несколькими блестящими сапфирами и покрытый редкой резной инкрустацией. Осторожно щёлкнув замком он слегка приоткрыл крышку и посмотрел на блестящий и драгоценный скифский кинжал, который был найден где-то около двадцати лет назад при раскопках одного из курганов, и бережно передан им одним из участников этих раскопок, профессором Амиру из Ташкента, у которого эта находка пролежал всё это время.

К очень большому изумлению всех, и небольшой улыбке Профессора, время почти не коснулось этого древнего оружия, принадлежавшего когда-то, судя по всему, кому-то

из верховных князей, и острое трёхгранное лезвие очень древней закалки, и рукоятка, заполненная вкраплениями из драгоценных камней, всё это просто светилось и переливалось на солнце. Датировалась эта находка примерно серединой между 3 и 2 веками до нашей эры. Немного посмотрев на этот старинный клинок он осторожно закрыл футляр, и переложил его в прогулочную сумку. Потом вышел в прихожую, подошёл к вешалке и накинув на всякий случай лёгкую куртку закрыл дверь и направился к дому Профессора.

Поднявшись на его этаж он остановился около двери, и протянул уже руку к звонку, но услышал как Демосфен слегка покашливая проговорил из глубины: – Не звони, Голштейн, дверь открыта, заходи, и задёрни собачку.

Он вошёл, дверь оказалась не запертой, и пройдя по коридору зашёл в гостиную, где его поприветствовал Профессор во главе большого стола с чайными приборами. Рядом с кофейником и чайником на нём также лежали несколько футляров с находками, привезёнными ими из этой поездки. Слушаясь жеста хозяина он сел на соседнее кресло, и Профессор указав на чай и кофе негромко сказал: – Усаживайся, Голштейн, усаживайся и угощайся. Я думаю, для начала это будет как раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.